

Покойник. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

Покойник. Максим Горький

...Я шагаю не торопясь по мягкой серой дороге между высоких – по грудь мне – хлебов; дорога так узка, что колосья опачканы дегтем, спутаны, поломаны и лежат в колеях, раздавленные.

Шуршат мыши, качается и никнет к сухой земле тяжелый колос; в небе мелькают стрижи и ласточки, значит – где-то близко река и жилье. Глаза, блуждая в золотом море, ищут колокольни, поднятой в небо, как мачта корабля, ищут деревьев, издали подобных темным парусам, но – вокруг ничего не видать, кроме парчовой степи: мягкими увалами она опускается к юго-западу, пустынна, как небо, и так же тиха.

В степи чувствуешь себя, как муха на блюде – в самом центре его, чувствуешь, что земля живет внутри неба в объятии солнца, в сонме звезд, ослепленных его красотой.

Вот оно – большое, рдяно-красное – далеко впереди на синем краю неба важно опускается в белоснежные бугры облаков; колосья осыпаны розовой пылью заката, васильки уже потемнели, и в предвечерней тишине ясно слышишь всё, о чем поет земля.

В небе веером раскинуты красные лучи, один из них касается моей груди и, точно жезл Моисея, вызывает к жизни горячий поток мирных чувств: хочется крепко обнять вечернюю землю и говорить ей певучие, большие, никем не сказанные слова.

Посеяны звезды в небе, и земля – звезда; посеяны люди на земле и я среди них, чтобы бесстрашно ходить по всем дорогам, видеть всякое горе, всю радость жизни и вместе с людьми пить мед и яд.

...Есть хочется, а в котомке с утра – ни кусочка, это мешает думать и несколько обидно. Такая богатая земля, и так много сработал на ней человек, а кто-то голоден...

Вдруг дорога повернула в правую сторону – распахнулась стена хлебов и открыла степную балку, по дну ее вьется голубая река, новый мост висит над нею, отраженный в воде, – мост желтый, точно из репы вырезан. За мостом приникли к пологому угорью семь белых хат, на угорье – левада, высокие осоки бросают на деревню длинные пушистые тени, стреноженный конь ходит между серо-серебряных стволов, взмахивая хвостом; густо веет дымом, дегтем, моченой коноплей, кудахчут куры и устало плечет ребенок – сейчас он заснет. Если бы не эти звуки, можно думать, что всё в балке наскоро, но умелой рукой написано ласковыми красками – они уже поблекли на солнце.

В полукруге хат – криница, рядом с нею – красная часовенка, узкая и высокая, она – точно одноглазый сторож. Наклоняется к земле, поскрипывая, длинный журавль; баба, вся белая, черпает воду, подняла вверх голые руки, вытянулась, и кажется, что сейчас взлетит на воздух, легкая, как облако.

Около криницы блестит черная грязь, точно измятый бархат; двое молодцов, лет пяти и трех, оба бесштаные, заголившись по пояс, молча тискают грязь желтыми ногами, точно желая вмесить во влажную массу красный блеск солнца. Эта добрая работа очень занимает меня, я смотрю на солидных мальцов сочувственно, с живым интересом – солнце и в грязи на своем месте, чем глубже в землю проникнет оно, тем лучше и земле и людям!

Сверху – всё словно на ладони. Семь хат на хуторе – не найдешь здесь никакой работы, но – приятно будет поболтать вечером с добрыми людьми. Иду на мост, полный задорного и веселого желания рассказывать людям разные чудесные истории, – ведь это необходимо для них, как хлеб.

Из-под моста встречу мне – точно кусок земли ожил – поднялся крепкий, давно нечесанный, небритый человек в широких синих штанах, в раскрытой холщовой рубахе, серой от грязи.

– Добрый вечер!

- И вам. Где идете?

- Это какая река?

- Это? А Сагайдак же...

На его большой круглой голове буйно выются полуседые кудри, усы коротко подстрижены. Маленькие глаза смотрят зорко, недоверчиво и, видимо, считают количество дыр и заплат на моей одежде. Вздыхнув глубоко, он вынул из кармана глиняную трубку на камышовом чубуке, прищурил глаз, внимательно посмотрел в черную ее дыру и спросил:

- Спички есть?

- Есть.

- А табак?

- И табаку есть немного.

Он подумал, глядя на солнце, утопающее в облаках, потом сказал:

- Дайте ж мне табаку! Спички я тоже имею.

Закурили. Положив локти на перила моста, он оперся спиной о брус, долго пускал в воздух голубые струйки дыма, принюхиваясь к ним. Сморщил нос, сплюнул.

- Московской табак?

- Роменский, Рыморенка.

- Ого,- сказал он, расправив морщины на носу,- добрый табак!

Неловко идти в хату прежде хозяина; я стоял рядом с этим человеком и, ожидая, когда он кончит свои неторопливые расспросы - кто я, откуда, куда, зачем,- немножко сердился на него: хотелось поскорее знать, чем встретит хутор.

- Работа? - цедил он сквозь усы.- Ни, работы нема. Какая ж теперь работа?

Отвернулся и сплюнул в реку.

На том берегу, важно качаясь, шла гусыня, за нею желтыми шариками пуха катились гусенята; две девочки провожали их, одна - в красном платке и с прутом в руке - побольше гусыни, другая - такая же, как птица, белая, толстая, косолапая и важная.

- Юфим! - надрывно кричал невидимый голос.

Человек качнул головой и одобрительно сказал:

Вот глотка!

Потом стал шевелить пальцами черной потрескавшейся ноги, долго разглядывал обломанные ногти и наконец спросил:

- Мабудь, вы - письменный?

- А что?

- То, коли письменный, може, почитали бы книгу по покойнику?

Видимо, ему понравилось это предложение - веселая рябь прошла по его плюшевому лицу.

- Разве ж это не работа? - говорил он, пряча карие зрачки.- Дали бы вам копиек десять, да еще и смертную рубаху покойникову.

Покойник. Максим Горький gorkiymaxim.ru

- И - накормят, - вслух подумал я.

- А как же!

- Где покойник?

- У своей хате, - идемте?

Пошли встречу надсадному крику.

- Юфи-им... а, бо дай...

Встречу нам по мягкой дороге ползли тени, за кустами на реке шумела детвора, плескалась вода, кто-то строгал доску - в воздухе плавал всхлипывающий звук. Человек, не торопясь, сказал:

- Была читалка старушка - вот ведьма была! Свезли ее до города, ноги у нее отнялись... а надо бы - языку! Такая была надобная, только лаялась очень...

Черный щенок, величиною в большую жабу, подкатился на трех лапах под ноги нам, поднял хвост и грозно зарычал, нюхая воздух розовым детским носом.

- Тю!

Выскочила откуда-то сбоку молодая голоногая баба и, гневно всплеснув руками, закричала:

- Юфим, да я ж тебя зову, зову...

- Хиба ж я не слышу...

- Где ж ты был?

Мой спутник молча показал ей дулю и ввел меня во двор хаты, соседней с тою, у которой осталась голоногая женщина, истекая крепкой руганью и нелюбезными пожеланиями.

Две старухи сидели в двери маленькой хатки, одна - круглая, встрепанная, как разбитый ударами кожаный мяч, другая - костлявая, переломленная в спине, с темным сердитым лицом; у ног их лежала, вывалив тряпичный язык, большая, как овца, собака, с вытертой шерстью и красными слезящимися глазами.

Юфим подробно рассказал, как он меня встретил и на что я годен, - две пары глаз молча смотрели на него, одна старуха дергала головой на тонкой черной шее, другая, послушав, предложила мне:

- Седайте, я соберу вам вечеряти...

Маленький дворик густо зарос просвирняком и розетками подорожника, посреди него - телега без колес, с черными, как головни, концами осей. Гонят стадо, на хутор медленно льется широкий поток мягких звуков; изо всех углов двора ползут серые тени и ложатся на траву, отемняя ее.

- Все помрем, ненько, - уверенно говорит Юфим, постукивая трубкой о стену, а в воротах стоит голоногая, краснощекая баба и пониженным голосом спрашивает:

- Ты идешь или нет?

- Да надо ж сначала одно дело доделать, а потом...

Мне дали краюху хлеба, горшок молока - собака встала, положила на колени мои слюнявую, старую морду и, глядя в лицо мне тусклыми зрачками, словно спрашивает:

"Вкусно?"

Точно ветер вечерний шуршит сухою травой - стелется по двору хриплый голос горбатой старухи:

Покойник. Максим Горький gorkiymaxim.ru

- Просишь-молишься: убави, боже, горя, а оно на тебя вдвое...

Темная, как судьба, она поводит длинной шеей, змеиная голова мерно, сонно качается, и вяло падают на землю, к ногам моим, однотонные, ветхие слова:

- Те работают сколько хочут, иншие - вовсе ничего не работают, а наши - больше сил своих, и нет им награды...

Слышен тихий шепот маленькой старухи:

- Наградит мать божия... Она всех наградит...

Минута глубокого молчания.

Полновесное, оно кажется чреватым чем-то значительным: оно внушает уверенность, что сейчас рождаются какие-то важные мысли и скоро я услышу особенные слова.

- Я тебе скажу, - пытаюсь выпрямить спину, говорит старуха, - был у моего человека между многих недругов один друг, Андрием звали, и когда не стало нам силы жить там, в дедовщине, на Донце, - заторкали, загрызли люди моего, аж до слез и немоты, - то пришел до нас Андрий и говорит: "Не опускать бы тебе, Яков, рук, земля - велика и везде дана человеку. Если здесь люди злы - это они от глупости и тесноты, и ты их за то не суди, живи просто: они - свое, а ты - свое! Тихо живи, а не уступай никому ничего и тогда одолеешь всех".

- Так и мой Василь говаривал часто: они - свое, а мы - свое...

- Ну да, хорошее слово не помрет, где ни скажи его - оно летит по всей земле, как ласточка...

- Это верно, - сказал Юфим, согласно кивая головою. - Это как раз так! Так и говорится: хорошее слово - Христово, а дурное - попово...

Резко вскинув голову, старуха захрипела:

- Не попово, а - твое... Ой, Юфим, седой ты, а говоришь не думая...

Тут вступила Юфимова баба - размахивая руками, точно держа в них решето, она начала торопливо сеять крикливые слова:

- Боже ж мой! Что это за человек? Ни сказать, ни послушать, а только всё лает, как та собака на месяц...

- Ну-у! - протянул Юфим. - Вот, уж начала, эх...

На западе растут и пухнут облака, похожие на сизый дым и кровавое пламя, - кажется, что вот сейчас вся степь вспыхнет. Тихий вечерний ветер гладит ее, хлеб сонно клонится к земле, красноватые волны ходят по степи. А на востоке уже темно и наползает оттуда черная душная ночь.

Из окна хаты над моею головой струится теплый запах покойника - ноздри и седые усы собаки дрожат, глаза, жалобно мигая, косятся на окно. Юфим, глядя в небо, убеждает сам себя:

- Дождя не буде, ни...

- А у вас есть Псалтырь? - спрашиваю я.

- Чего?

- Книга, Псалтырь?

Все молчат.

Всё быстрее идет южная ночь, стирая с земли яркое, точно пыль. Хорошо бы закопаться в душистое сено и уснуть до восхода солнца.

- Мабудь, у Панка есть, - сконфуженно говорит Юфим. - У него аж с малюнкамы...

Потом они, пошептавшись, уходят со двора, а кругленькая старушка говорит мне, вздыхая:

- Пойдите, посмотрите на него, коли хотите...

Голова у нее маленькая, милая, покорно согнутая. Сложив руки на груди, старушка тихо шепчет:

- Пресвятая мати...

Покойник - строг и важен. Его густые седые брови сдвинуты над большим носом глубокой складкой, нос загнут в усы, ввалившиеся глаза прикрыты неплотно, рот тоже полуоткрыт - кажется, что человек этот упрямо думает о чем-то, думы его гневны и вот он сейчас жутко крикнет какое-то особенное, последнее свое слово.

Над головой его горит тонкая свеча, синий дымок пугливо дрожал, сея слабенький свет, и не мог согнать мертвых теней под глазами усопшего и в глубоких морщинах щек. На сером пятне сорочки двумя буграми лежат темные кисти рук; пальцы - кривые, даже и смерть не расправила их. По хате, от окна к двери, струится воздух, насыщенный запахами полыни, мяты, чебреца и тления.

Всё горячее и яснее шёпот старухи; шепчет она и сухо всхлипывает, а за окном, на черном квадрате неба, грозно мигают зарницы, когда в тесную, как гроб, хатку хлынет через окно синий свет - огонь оплывшей свечи словно прячется, улетает, седые волосы на лице умершего блестят, как рыба чешуя, лицо сурово хмурится.

Шёпот старухи просачивается в грудь, сердцу горько и холодно, в памяти встают - не утоляя скорби - старые важные слова:

"Не рыдай мене, мати, зряца во гробе, восстану бо..."

Этот - не восстанет.

...Пришла костлявая старуха и объявила, что Псалтыря нет на хуторах, а вот есть другая книжка - не годится ли?

Другая книжка оказалась грамматикой церковнославянского языка, первые страницы ее были оторваны, и она начиналась словами: "друг", "друзи", "друже".

- Что же будет? - горестно спросила маленькая старушка, когда я сказал, что грамматика не годится покойнику. Ее детское личико обиженно задрожало, опухшие глаза еще раз налились слезами.

- Жил человек, жил, - говорила она, всхлипывая, - а честно погребения себе не выжил!

Я сказал ей, что буду читать над мужем ее все молитвы и псалмы, какие знаю, только чтоб она вышла из хаты: мне это дело не свично, и не вспомню я всех молитв, если меня будут слушать живые.

Она не поняла меня или не поверила мне и долго толкалась в дверях, шмыгая носом, отирая рукавом маленькое изношенное лицо.

Потом - ушла.

Пылают зарницы в черном небе на краю степном, там, где степь подходит к морю; хата наливается синим туманом, безмолвно мечется в ней тьма душной ночи, цветет робкий огонек свечи - человек лежит и смотрит полуоткрытыми глазами на трепет теней, скользящих по груди его, по белым стенам и потолку.

Я искося, сторожко поглядываю на него - ведь неизвестно, на что способен покойник? - и добросовестно читаю вполголоса:

- "Прости вся, елико ти согреших, яко человек, паче же не яко человек, но горее скота..."

Рядом с этими словами идут мысли, отрицающие их:

"Не грех труден и горек, а – праведность..."

– "...вольная моя грехи и невольная, ведомая и неведомая, яже от юности и от науки злы и яже суть от наглства и уныния..."

"Не идет всё это к тебе, брат..."

Голубые звезды сверкают в бездонной тьме небес, – кто еще – кроме меня – видит их в этот час?

Вдали гудит гром, и всё колыхнется в трепете зарниц.

Стуча когтями по глинобитному полу, вошла собака – она всё время шляется взад и вперед, понюхает ноги мои, тихонько заворчит и снова тащится вон. Должно быть, слишком стара, чтобы отпеть хозяина тоскливым воем, как это делают ее сородичи. Когда она выходит вон, мне кажется, что тени тоже хотят излиться вслед за нею, – они текут к дверям, овевая лицо мое прохладным веянием. Качается огонек свечи, точно желая сорваться со светильни и улететь к звездам, – среди них есть такие же маленькие и жалкие, как он. Мне не хочется, чтобы он исчез, я слежу за ним так напряженно, что больно глазам; мне душно, жутко, я стою у плеча покойника неподвижно и зачем-то усиленно вслушиваюсь в тишину...

Одолевает сон, бороться с ним трудно; с великими усилиями вспоминаются красивые песнопения Макария Великого, Златоуста, Дамаскина, а в голове, точно комары, гудят слова шестого правила "для отходящих на одр сна":

"Аще обрящещи возглавицу мягку, остави ю, а камень подложи Христа ради. Аще ти зима будет спящу, потерпи, глаголя: яко иние отнюдь не спят".

Чтобы не уснуть, я тихонько пою кондак:

– "Душу мою, господи, во гресех всяческих люте расслаблену воздвигни".

За дверью чуть слышно шелестит сухой шёпот:

– Владычица милосердная, прими и мою душеньку...

Мне кажется, что душа у нее серенькая, как чечетка, и пугливая такая же. Когда она прилетит к престолу богоматери и та протянет к ней свою белую, нежную, добрую руку, – эта маленькая душа встрепенется вся, взмахнет короткими крыльями и в радостном испуге умрет.

Тогда богоматерь тихо скажет сыну своему:

"Вот до чего запуганы люди твои на земле и как непривычна им радость! Хорошо ли это, сыне мой?"

А что он ответит ей?

Не знаю. Я бы на его месте отчаянно сконфузился.

С воли из густой тишины как будто отвечают мне – тоже поют. Тишина такая полная, глубокая – этот отдаленный звук, утопающий в ней, кажется неестественным, призрачным эхом моего голоса. Я молчу, слушаю – звук ближе всё, яснее, кто-то идет, тяжело шаркая ногами, идет и бормочет:

– Н-нет... И не будет...

"Почему не лают собаки?" – думаю я, протирая глаза.

Мне кажется, что брови усопшего дрожат, в усах его шевелится хмурая улыбка.

На дворе гудит тяжелый хриплый голос:

– Что-о? Эх, старая... Я знал, что помрет, ну... молчи! Такие всегда стоят до последнего часа да сразу и лягут, чтоб не встать... Кто? Проходящий... ага!..

Покойник. Максим Горький gorkiy.ucoz.ru

Что-то большое, бесформенное заткнуло дверь, потом, сопя и всхрапывая, ввалилось в хату, разрослось в ней почти до потолка; широко размахивая рукою, человечье перебрелся на огонь свечи, покачнулся вперед и, почти касаясь лбом ног умершего, спросил тихо:

- Что, Василь?

И - всхлипнул.

Крепко запахло водкой. В двери стояла старушка, умоляюще говоря:

- Вы, отец Демид, дайте им книгу...

- Зачем? Я сам буду читать...

Тяжелая рука легла мне на плечо, большое волосатое лицо наклонилось к моему.

- Молодой еще - э! Из духовных?

Голова у него огромная и - точно помело - вся в космах длинных волос, - даже при бедном мерцании одинокой свечи они отливали золотом. Он качается и покачивает меня, то приближая к себе, то отталкивая. Горячий запах водки густо обливает мне лицо.

- Вы, отец Демид... - настойчиво и плаксиво говорила старуха, - он грозно перебил ее речь:

- Я ж тебе сколько раз говорил, что дьячка не допускается называть отцом! Иди себе, спи, дело будет, иди!.. А ты зажги еще свечу вижу...

Сел тут мое ничего не на скамью и, хлопнув спросил:

- Горилку пьешь?

- Здесь нет ее.

- Как же нет? - строго сказал он. - Да, - вот у меня в кармане бутылка - хо!

Не подобает здесь пить.

- Это - верно! - забормотал он, подумав. - Нужно выйти на двор, - это верно!

- Что ж вы будете - сидя читать?

- Я? А я... не буду, читай ты... я - не в себе... да! "Попраша мя врази мои весь день яко мнози борющия мя с высоты" - а по сему я несколько выпил...

Он сунул книгу в живот мне и, наклонив голову, тяжело закачал ею.

- Умирают люди один за другим, а на земле всё ж таки тесно... умирают люди, не видя добра себе...

- Это не Псалтырь, - сказал я, посмотрев книгу.

- Врешь!

- Смотрите.

Он отмахнул крышку переплета и, водя свечою над страницей, прочитал красные буквы.

- Окто-их...

Очень удивился.

- Октоих? Это... как же? Ну-ну, вот что случилось... Ведь и величина другая - Псалтырь - коротенький, толстый, а это... это с того, что я торопился...

Покойник. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Ошибка словно отрезвила его, он встал, подвинулся к покойнику и, придерживая бороду, наклонился над ним.

- Извини, Василь... что ж делать?

Выпрямившись, откинул руками назад длинные космы, вынул из кармана бутылку и, воткнув горлышко в рот себе, долго сосал вино, свистя носом.

- Хошь?

- Я спать хочу, выпью - свалюсь.

- А и вались...

- А читать?

- Кому здесь нужно, чтоб ты бормотал слова, которых не понимаешь?

Сел на лавку, согнулся, взял голову в руки и замолчал.

Июльская ночь уже таяла, тьма ее тихо расплзлась по углам, в окно веяло утренней росистой свежестью. Свет двух свеч стал еще более бледен, огни их были как глаза испуганного ребенка.

- Жив был ты, Василь, - ворчал дьячок, - было у меня куда ходить, а теперь - некуда мне идти, бо помер последний человек... Господи - где правда твоя?

Я сидел у окна, высунув голову на воздух, курил, подремывая, и слушал тяжелые жалобы.

- Сглодали жену мою они и меня сожрут, как свиньи капусту... Верно это, Василь...

Дьячок снова вынул бутылку, пососал вина, вытер бороду и, наклонясь над покойником, поцеловал его в лоб.

- Прощай, друже...

Обернулся ко мне, говоря с неожиданной ясностью и силой:

- Простой это был человек, незаметный в людях, как грач среди грачей, а был он не грач - белый голубь, и никто того не знал, только я... да!.. И вот - удалился он "от горькие работы фараони", а я - жив, но при смерти душа моя, "истягоша ю и оплеваша врази мои".

- Большое горе у вас?

Он ответил не сразу и глухо:

- Горя у всех больше, чем надо... и у меня столько ж! Твое дойдет до тебя.

Споткнувшись о свою же ногу, он навалился на меня, говоря:

- Петь мне хочется, а - нельзя того, побудишь людей, станут лаять. Ну, всё ж таки очень хочется петь! И негромко загудел в ухо мне:

Кому повем печаль мою?

Кому я скорби воспою?

Кто р-рук-ку...

Жесткие волосы бороды щекотали мне шею, я отклонился.

- Не любишь? Ну, чёрт с тобой, дрыхни...

- Да вы же щекотите меня бородой...

- Что ж - обриться для тебя, сахар?

Он сел на пол, подумал, посопел и сердито приказал:

- Ну, читай, а я лягу спать. Да гляди не убеги с книгой, это книга церковная! Дорогая. Знаю я вас, голодранцев! Что вы бегаετε везде, зачем ходите? А - в конце концов - ходите куда тянет! Иди и ты. И скажи - погиб дьячок, скажи кому-нибудь хорошему, кто пожалеет. Диомид Кубасов, дьячок, это я, - совсем и без возврата...

Он заснул. Раскрыв книгу наугад, я читаю:

- "Невозделанная земле, возрастившая всех питателя, разверзающая руку и благоволением своим насыщающая всякое животное..."

"Всех питатель" лежит предо мною, обложенный сухими пахучими травами, я смотрю сквозь дрему в его темное загадочное лицо и думаю о человеке, который не одну тысячу раз прошел по своей полосе на этой земле, в заботе о том, чтобы мертвое претворилось в живое. Возникает странный образ: по степи, пустынной и голой, ходит кругами, всё шире охватывая землю, огромный, тысячерукий человек, и, следом за ним, оживает мертвая степь, покрываясь трепетными сочными злаками, и всё растут на ней села, города, а он всё дальше ко краям идет, идет, неустанно сея живое, свое, человеческое. Уважительно и ласково думается обо всех людях земли: все призваны таинственной силой, в них живущей, победить смерть, вечно и необоримо претворяя мертвое в живое, все идут смертными путями к бессмертию, поглощает людей сень смертная и - не может поглотить.

Бьются в сердце разные мысли, радостно и холодно от веяния их крыльев, хочется о многом спросить кого-то, кто может ответить бесстрашно, честно и просто.

Около меня - мертвый и спящий, а в сенях - шуршит отжившая. Но ничего! На земле людей много, не сегодня - завтра, а уж я найду совопросника душе моей...

Мысленно ухожу из хаты в степь и смотрю оттуда на это жилье, затерянное на огромной земле: прижались к ней хатки, окна их слепы и черны, а в одном чуть мерцает над головою умершего человека плененный им огонь...

Это сердце, переставшее жить, - всё ли, о чем думало оно при жизни, сказано им на земле, бедной мыслями сердца? Я знаю, что умер маленький, обычный человек, но - думаю обо всей работе его, и она мне кажется поражающе большой... Вспоминаются незрелые измятые колосья в колеях степной дороги, ласточки в синем небе, над золотой парчой хлебов, степной коршун, застывший в пустоте, над широким кругом земли...

Слышен свист крыльев - тень птицы мелькнула на светлой зелени двора, поседевшей от росы

Перекликаются петухи - их пятеро, проснулись гуси, мычит корова, и уже где-то скрипит плетень.

Я думаю о том, как уйду в степь и буду спать там на меже, на земле, сухой и теплой; дьячок - спит у ног моих, лежа вверх грудью, широкой, точно у битюга. Огненные волосы - как сияние вокруг головы, красное толстое лицо сердито надулось, рот открыт, и усы шевелятся. Руки у него длинные и в кистях - как лопаты.

Невольно думаешь о том, как этот мощный человек обнимает женщину, вероятно, всё ее лицо тонет в бороде и она смеется от щекотки, закидывая голову назад. Сколько у него может быть детей?

И так неприятно, обидно знать, что этот человек носит горе в своей груди, - радостям надо бы жить в ней!

В дверь смотрит кроткое лицо старухи, а в окно - первый солнечный луч.

Над рекою, шелковой и светлой, курится прозрачный туман, деревья и травы переживают тот странный момент напряженной неподвижности, когда ждешь, что вот сейчас они, вздрогнув, запоют, заговорят понятными душе голосами о великих

тайнах своей жизни.

- Такой хороший человек,- шепчет старуха, жалобно глядя на огромное тело дьячка.

И, точно читая книгу, невидимую мне, она тихо и просто рассказывает историю о жене его.

- Согрешила она с одним человеком, а они заприметили это да и навели его, мужа, на них, а после засмеяли ее да и Демида, за то, что он ей простил грех. Она, с того смеха над нею, удавилась в чулане, а он вот непробудно запил... Уже второй год это, и скоро его сгонят с места. Мой не пил много да всё уговаривал его: "Ой, Демиде, не поддавайся людям, живи просто, они - свое, а ты - свое..."

Из маленьких тусклых глаз текут мелкие слезы и тают в припухших морщинах оплаканных щек. Маленькая голова трясется, как увядший лист осенью,- нельзя смотреть в это кроткое лицо, измятое старостью и печалью! Я ищу в душе - что бы сказать утешительного этому человеку? Не нахожу ни слова и чувствую себя обиженным.

Вспоминаются давно прочитанные где-то странные слова:

"Слуги богов не должны стонать, но смеяться, ибо стоны причиняют скорбь людям и богам".

- Мне надобно идти,- говорю я смущенный.

- О?

Ее восклицание торопливо, как будто она испугана моими словами, неверной рукою она шарит в юбке, и темные губы ее безмолвно шевелятся.

- Мне не надо денег, хозяйка, дайте хлеба, коли есть...

- Не треба - грошей? - переспрашивает она недоверчиво.

- А на что они мне?

- Ну, як хочете,- соглашается старуха, подумав.- Як хочете... Тоди спасиби вам!

...Предо мною в синем небе улыбается солнце, хвастливо распутив над землю павлиний хвост своих лучей.

Я ему подмигиваю: знакомо оно мне - пройдет часа два времени, и его улыбки будут жечь, как огонь. Но пока мы друг другу нравимся; я иду меж хлебов и пою песнь ему, владыке жизни.

Неприступный естеством,

Приступен мне быв,

В мене облекохся,

Все мое естество осветли

И своим вознесением возведе мя

Превыше всякого начала и власти!

...Будем жить просто: они - свое, а мы - свое!..

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

Покойник. Максим Горький gorkiymaxim.ru
<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!